

ЕСЛИ СНЯТЬ ШАПКУ- НЕВИДИМКУ

Поле зыблется цветами...
В небе льются света
волны...
Вешних жаворонков
пенья
Голубые бездны полны.

Это А. Майков, более ста лет назад бросивший миру ликующий аккорд своей радости при виде вольной красоты природы. Это чувство непреходяще. Кажется, единственный источник, способный вызвать радость у любого человека,— природа.

Можно, как Майков, охватить разом ее широкий экран, соединив его с собственным чувством, ударить мощно и полнозвучно, разбрызгивая звуки восторженной музыки: «Принимайте, люди, радость!»

А можно с дотошностью и терпением ювелира, разгребая видимую поверхность, собирать жемчужные россыпи скрытой красоты, нет-нет да и найти тот самый «ландыш потаенный», чья скромная краса вполне затмевает майковские «голубые бездны»: «Ну-ка, люди, взгляните, может, вы еще не видели? Может, простой стебелек травы или сверкающая капелька в изломе весеннего деревца помогут вам лучше понять сложности жизни? Может, добро и счастье станут вам доступнее, а горе вызовет больше сочувствия? Может, ближе и полнее покажутся вам звуки музыки: Чайковский, Григ?..

Не стесняйтесь, приподнимайте сами шапку-невидимку с природы, и чем чаще, тем лучше. Приподнимайте ее и показывайте маленькую живую сказку детям, пускай сверкающая капелька упадет и на их податливые души».

Созерцательное майковское восприятие природы несет в себе упоенное любовование прекрасным, в нем есть определенная тенденция, неподвижность; а «ландыш потаенный», скромное и чудное

открытие, наталкивает на раздумье, на поиски.

Дети, особенно маленькие, свободные еще от заучивания чужих мыслей и от присваивания чужих впечатлений, очень отзывчиво, внимательно и как-то трогательно-восторженно относятся к окружающему их миру.

Дети любят природу, но, подрастая, они становятся менее внимательны к ней, меньше замечают ее красоту, сосредотачиваясь на увлечении событиями. Их любознательность надо развивать, надо учить их утонченной наблюдательности, которая нужна и в отношениях с людьми, и при становлении мировоззрения.

«...Удивительными открытиями полна наша жизнь. И очень радостно, чудесно быть открывателем этих тайн. Как хорошо, увидев скрытую красоту, разглядев невиданное, рассказать об этом другим, открыть им глаза: «Гляди!» — так пишет М. Усов, автор книг для детей «Листья на снегу» (Москва, Детгиз, 1963) и «Степные пригревки» (Ставрополь, краевое книжное изд., 1963). В книгах М. Усова открытие мира, познание его красоты преподносится с умелым тактом понимающего детскую психологию человека. Автор заинтересовывает маленького читателя, наталкивая его на самостоятельные наблюдения.

Свое видение мира М. Усов передает в небольших поэтических новеллах, многие из которых представляют собой описание настоящих маленьких чудес, происходящих в природе.

В феврале, во время снежного бурана, просвечивает сквозь толщу мятущихся снежинок нежная радуга («Снежная радуга» из «Листьев на снегу»).

Мягким золотистым, облачком засветилось вдруг голое еще деревце, словно улыбнулась весна («Улыбка весны», тот же сборник).

Сухой стручок акации вдруг превращается в поющий музыкальный инструмент («Поющий стручок», тот же сборник). В последний раз, когда

уже близки первые заморозки, цветет надломленная акация, как бы оставляя перед смертью миру свое самое лучшее, самое драгоценное («Последнее цветение», сборник «Степные пригревки»).

Но все-таки большинство новелл — это описание того, что может увидеть каждый, обыкновенных явлений природы. Автор, однако, смотрит на них не совсем обыкновенными глазами. Глаза эти очень наблюдательны, они замечают в маленьком случае, происходящем у нас на виду, именно ту жилку счастливого наслаждения жизнью, которая доставляет радость и заставляет любить ее виновников.

Вот М. Усов рассказывает о первом снежке, неожиданно выпавшем на землю. И тут же спрашивает: «Знаете, как падает снег?» И отвечает: «Тихо». Кажется, кто не знает, что снег падает тихо. Но в том-то и дело, что все знают и все не замечают. А он заметил, сказал и сразу полюбился за это людям.

...Когда появились самые первые листочки, на улице как-то неожиданно почувствовалось изменение. Что-то, кроме этих листочков, беспокоило, как невидимый взгляд наблюдающего человека, который чувствуешь на себе, не зная, кто смотрит. Оказалось, что это тень от первых листочков. Раньше неподвижная, она теперь зашевелилась, и показалась, что на улице кто-то живой. «Смотрю, люблюсь, и так хорошо на душе. Все сейчас первое. И тень — не мертвая, от голых неподвижных ветвей, а живая от маленьких зеленых листьев — первая» (Рассказ «Живая тень»). Таких поэтических миниатюр много в сборниках «Листья на снегу» и «Степные пригревки».

Заглянем сначала в сборник «Листья на снегу». Доброй усовской зимой мы подвешиваем сало на ниточке для крохотных синичек, наблюдаем, за воробьями, клюющими зернышки прямо на кухне, принимаем участие в спасении несчастной птахи, попавшей в водосточную трубу, сочувствуем большим, но беспомощным во

время февральских заморозков степным птицам-дудакам. А как много неожиданностей, очаровательных долгожданных подарков дарит нам нежная, живописная весна! Первая песенка хозяев весны — скворцов и их хлопоты по устройству жилища, первые всходы и первые капли весеннего древесного сока, первые — такие вкусные стебельки весенних цветов, — все то, что так увлекает ребят в пору оживания природы. Все это в книжке преподносится в разнообразном обрамлении звуков, запахов, красок.

Характерные изменения природы от весны к ослепительному, веселому лету переданы поэтично и ласково.

Сменяя лето, незаметно подходит осень. И мы читаем великолепную «Прощальную песню», в которой чуть-чуть грустно передана поэзия последнего цветения, печаль птичьих осенних отлетов.

С непосредственностью прямого очевидца М. Усов высказывает свои впечатления так искренне и доверчиво, что невольно любуешься его манерой повествования, лиричностью и выразительностью описаний. Писатель становится одновременно и героем своих книг, внимательным и вдумчивым. Его собственное любовное отношение ко всему, о чем он пишет, служит как бы микроскопной трубкой, приближающей природу к уму и глазу читателя. Поэтому и рассказы его приобретают ценное, абсолютно необходимое для повествования о природе качество — одухотворенность человеческой мыслью, лиризм живого чувства, тот отклик человеческой жизни, который один может дать стихийному явлению поэтическое существование и смысл.

Все ли знают, что такое «скворчиня зима»? — Это зима ненастоящая, временная, она рано наступает — еще скворцы не улели — и быстро проходит. Утром снежком запорошит все вокруг, а днем уже сухо. «Вот она какая, скворчиня зима — ненастоящая, была не была.

С тех пор не забываю я скворчиную зиму. Как станет тяжело, что-нибудь стряется со мною, тут я себе я говорю: не страшно, это — скворчиня зима, ненадолго».

Почти в каждом рассказе мы встречаемся с непосредственными выражениями различных чувств: радости, скорби, удивления, уважения, стыда. Автора все интересует и волнует, как подлинного первооткрывателя. А когда сам автор волнуется и переживает, рассказывая, тогда и происходит то самое «чудо», благодаря которому люди переживают и волнуются, читая.

Лучшие новеллы М. Усова — это интересное путешествие, но путешествие не столько вдаль, сколько вглубь, в котором автор стремится показать ценность ежедневных наблюдений. М. Усов как бы повторяет вслед за Пришвиным: «Дорожить надо каждым днем своей жизни», в поисках творческих достижений опираться надо не на количество лет, а на качество дней своих».

В книге «Листья на снегу» выявляется творческая манера Ж. Усова. Познавательная сторона его рассказов — только часть того, что вызывает к ним интерес. Сама по себе она еще не создает художественного произведения. Только слово, отражающее познавательный процесс, умело раскрывающее новизну и правду как в отдельных деталях, так и в обобщении, становится художественным образом. А рассказ о природе становится поэтической новеллой. С точки зрения такого требования надо рассматривать достоинства усовской прозы, а именно: чистый и четкий язык повествования; несложность, ясность фразы; выделение в описании самого характерного, кратко, вернее, сжатость описания; ласковая напевность речи, а главное, скрытая за внешне простым повествованием умная, добрая мысль.

Конечно, нельзя сказать, что все эти достоинства предельно проявились во всех миниатюрах М. Усова: есть рассказы лучше,

есть хуже. Но по отношению к «Листьям на снегу» можно утверждать, что здесь в каждом рассказе в той или иной мере проявились потенциальные возможности таланта. А это творческая удача. Есть в сборнике новеллы, в которых все лучшие качества сконцентрировались, подобно лучу в капле росы, и создали образцы, от которых сам писатель должен отгалкиваться в своем росте.

Прежде всего хочется назвать радостно-здумчивую новеллу — «Снежная радуга», чудесную — «Улыбку весны», красочную миниатюру — «Листья на снегу», а также рассказы «Белая трясогузка» и «Птичка-невеличка».

...Среди лесных певцов первое место по праву принадлежит соловью. Но попробуйте увидеть его — не всякому это удастся. Так вот и мальчишки из рассказа «Птичка-невеличка», неожиданно услышав волшебные звуки, бросились на поиски лесного чуда, но ничего не нашли. Правда, встречалась им иногда совсем крохотная, серенькая, молчаливая птичка, которая скрывалась в листе, даже не пискнув. «Разве такая птичка могла быть соловьем?..» Только когда мальчик стал взрослым, ему удалось повидать соловья в суровые годы войны. Он оказался так мал, что его легко было принять за листик на тонком черенке. «Только по раскрытому клювику и вздымающейся и опадающей шейке можно было отличить его среди листьев. Да ведь это та самая птичка «была — не была», которую встречали мы с ребятами в лесной чаще! Это та самая крохотная лесная птичка-невеличка, молчаливо, без писка, нырявшая в листву, как в зеленую воду».

Так совершается познание прекрасного, а вместе с этим познание жизненной мудрости о том, что прекрасное не всегда красиво внешне, что оно скромно и его надо уметь разглядеть.

Подобная же мысль об умении смотреть и видеть одушевляет новеллу «Улыбка весны». Новелла эта о чудесном

золотистом облачке, которое появилось над ивовым деревцем на городском бульваре в дни «весны света».

«Пришел апрель. Зелеными листьями украсились кусты бузины и сирени. Цвели алыча и абрикосы. Того и гляди, раскроют бутоны вишни. Каштан выбрасывает белые свечи. Прекрасная пора весны! Но мне памятна ива на городском бульваре. Вспомню март, серые деревья и так не похожее ни на что легкое золотистое облачко — первую улыбку весны».

Это не просто детская радость, рассказ для малышей. Здесь раздумье о памяти сердца. Так человек помнит первый день своего счастья, даже если у него потом бывали дни великолепней и ярче.

Новеллы сборника «Листья на снегу» ценны именно тем, что в каждой из них умный подтекст, так что дети могут открыть для себя не только интересные факты внешнего мира, но и сложный мир человеческих взаимоотношений, те нормы морали, которые, собственно, являются элементарными, но одновременно воспитывают лучшие стороны характера. Язык новелл точен и ясен. Простота иногда достигает тонкого изящества, без всякой фальши и нарочитости.

Чудесная музыка слова неуловимым образом связана с мелодией природы. Одновременно мастерство, может быть, и заключается в том, чтобы уметь точно назвать явление или даже уметь его увидеть, заметить и понять его суть, самое характерное, а потом назвать.

М. Усов сумел услышать совершенно особый звук — «падение чего-то невесомого», звук, своеобразно переданный в слове. «Это снег шепчется», — говорит писатель, так что холодный снег становится живым и добрым. А как трогательно очеловечено названы ягоды шиповника — «румянец осени». Лучшее всего то, что М. Усов естествен в своей образности, слова становятся рядом свободно и непринужденно. «Темнота окутала весь мир и приглушила

все звуки... Замерли травы, низко свисают ветви, отчетливо виден каждый листик со всеми своими извилинами и зубчиками». Описание ночной тишины лирично, осязаемо, просто.

Закрываем «Листья на снегу», книжку, несущую ребенку не только мир прекрасного вокруг нас, но и в нем самом открывающую капельку взрослости. Он прочитал книжку и, пусть еще неосознанно, почувствовал в себе радостно-волнующую жажду видения, понял вдруг красоту и обаяние природы и стал способен к еще более сложному пониманию. В нем натянулась струнка поэзии, обогатился мир чувств.

Второй сборник М. Усова носит уютное название: «Степные пригревки». Так и хочется снова почувствовать мягкую ласковость речи, узнать, что еще можно подсмотреть у волшебницы-природы, какие загадки разрешить.

К сожалению, критические похвалы в адрес этого сборника зачастую вынуждены ограничиваться рассказами средней художественной силы. Многие страницы больше напоминают дневник стороннего наблюдателя, спокойное сообщение человека, впервые увидевшего ту или иную картинку природы. Это страницы, вызывающие индивидуальный интерес, в них нет внутренней жизни, обобщения, всегда необходимого для того, чтобы передать людям мысль: «Мороз обмяк», «Всему своя пора», «Земля парует», «Весна дома» и некоторые другие.

Каждый человек, возможно, радовался проросшей луковке, чувствуя в ней приближение весны, предвкушая свежий запах зеленого салата. Но когда из этого события пытаются сделать что-то особенное, даже аллегорию, то получается просто снижение поэзии.

В некоторых новеллах отсутствует философский подтекст, то есть та самая «живинка», которая и составляет пленительность лучших усовских страниц,

«Снова подтвердилась

народная примета: «Солнце на лето, зима на мороз».

Еще недавно пушистый, снег стал жесткий. Идешь утром на работу — и снег хрустит, как речная галька. Но к полудню его не узнать: на солнечной стороне улиц становится мягким. Куда девается неподатливость! Чуть придавишь в руках — готов белый ком. Сам поиграть в снежки просится.

— Мороз обмяк,— радуются люди. И снова повторяют, как самую большую новость:

— Сдаст мороз, обмяк!» («Мороз обмяк»).

Аморфное, расплывчатое чувство, одобренное довольно бедным описанием, вызывает впечатление какой-то недоговоренности.

В «Степных пригревках» излишне часто встречаются миниатюры, представляющие собой простое описание, как бы самоцель. Красивое описание? — Да, красивое, но ведь этого мало. Ребенок ждет от книжки всегда нового, неожиданного, что сам он вряд ли придумает, но зато поймет и обрадуется, когда ему скажут. Созерцательность быстро надоедает ему, отсутствие движения в мыслях утомляет. Поэтому описание зимнего леса («Белый лес») не поражает своей необычностью, а превращается в своеобразную игру «в детскость», вместо серьезного, доброго разговора.

Мало трогают также новеллы «Тонконог», «Оттепель — не весна», «Бабочка над волнами» и некоторые другие. Утратив одухотворяющую связь с внутренним миром человека, с детской психологией, они теряют свою теплоту, перестают быть «пригревками». А оттого, что между строк они не читаются, создается впечатление неподвижности, одноплановости.

В сборнике «Степные пригревки» как-то меньше тщательности и в выборе материала, и даже в языке. Разве может дать навыки художественного вкуса употребление в поэтической новелле таких слов, как «отчаюга», «молодчага», нарочито

упрощенных до примитивности выражений, вроде: «Война — жизни враг»; вульгарных подражаний разговорной речи: «сколько так было — по часам не проверял», «Все одно, как золотая рыбка» или «Пойдут скандалы да потасовки, впору милиционера или дружинника звать» (это о воробьях).

Рядом с прекрасными образцами истинно народной речи такие выражения кажутся досадными промахами.

И вместе с тем многие новеллы (на них хочется остановиться особо) радуют не только прежним мастерством, но и некоторой новизной, которая говорит о способности автора не только к описанию природы. Эта новизна ощущается в первом же рассказе.

Речь идет о маленьком мальчике, впервые поймавшем такую хорошую бабочку, самую лучшую, самую драгоценную, потому что она — первая его бабочка.

Усов искусно улавливает движение мысли малыша, показывает себя умелым мастером детской психологии.

Новое — сам мальчик, его поведение, его думки. Маленькие герои появляются в книге в сюжетных рассказах: «Калала», «Последняя защита», «Егоркин приемыш». Но пока они только появляются, их внутреннему миру уделяется мало внимания. Впрочем, это и не является целью автора. Ему важно показать этим самым ребятишкам побольше интересного в мире, окружающем их. Этой цели и отвечают в книжке рассказы: «Омела», «Дудачинная ферма», «Степной бобовника», «Желтые крапки», «Семейный разговор», «Черная буря» и другие. Рассказы, в которых для любознательных читателей вновь открывается интереснейший мир познания красоты в обыкновенном, тайны в доступном. Еще раз углубляется ведущая мысль творчества писателя об истинно прекрасном в рассказе «Омела». Но если раньше писатель говорил о скромности красоты, то теперь он раскрывает другую сторону этой же мысли, а именно: тупость и жестокость

всегда стараются прикрыть себя маской красоты, и их тоже надо уметь разглядеть.

Есть в книге новелла, которая особо останавливает на себе внимание. Новелла эта — «Как шумят деревья». В сборнике «Листья на снегу» ей соответствует по теме «Запоздалый дождь». Наблюдения писателя здесь переходят в область звука, и это очень интересные наблюдения. Писатель учит не только видеть природу, но и слушать ее. И что примечательно: нет оснований предполагать, что писатель подбирает слова со специально подходящими по звукописи согласными и гласными, — это делается преимущественно в стихах. Но когда он говорит о глухом зимнем шуме деревьев, — и слова звучат чуточку приглушенно, тихо; в описании весеннего, летнего шума мы не только ощущаем ласковое оживление, мы и слышим именно эти веселые, разнообразные звуки. Дело здесь опять-таки в умении писателя точно называть то, что происходит вокруг!

Одной из лучших новелл сборника является «Последнее цветение». Трудно процитировать какой-то отрывок из этой новеллы, тем более пересказать ее, потому что это не просто рассказ, это скорее красивая мелодия, которую прервать невозможно, не уничтожив ее.

«Во время августовской грозы надломило акацию. Излом пересек весь ствол. Дерево было обречено. Оно по-прежнему возвышалось над улицей, шумело темной листвой, но дни его были сочтены.

Глядя на акацию, я думал: «А знаешь ли ты об этом? Чувствуешь ли приближение конца?» Дерево не человек, что может оно чувствовать?

И случилось — долго я не появлялся на улице с обреченной акацией. Забыл про дерево.

Когда листва уже опала, когда солнце растеряло свой жар, оказался я вновь возле акации. Бездумно, не вспоминая о дереве, взглянул я на него, сразу охватив от основания ствола до вершины.

И остановился, и замер.

Только гляжу на акацию.

На ее обнаженных ветвях в полном цвету белые кисти.

Акация цвела.

И столько красоты было в этом цветении, столько печали, что я снял шапку.

Акация просталась с жизнью. Это ее последнее цветение.

У нее не будет больше весны».

Здесь все необходимо, каждое слово на своем месте и точно, несмотря на простоту. Такова способность русского языка: изощренность только вредит его выразительности. Помимо того, о виденном рассказано с таким волнующим чувством, выражен такой свой, единственный взгляд, так одухотворено, освещено внутренней мыслью повествование, что последнее цветение дерева воспринимается как поступок, как осознанное действие.

Творческие поиски М. Усова в самом разгаре. Мы уже можем говорить о своеобразии, оригинальности его манеры, о выработавшемся, своем стиле, который можно узнать и в книге, совершенно новой для писателя по теме, в книге «Прогулка на велосипеде», посвященной Владимиру Ильичу Ленину. Писать о Ленине — задача очень сложная. Здесь недопустима надуманность или фальшь, совершенно невероятны ошибка или непонимание. Немного боишься за автора, когда собираешься читать эту книжку. Но после первой же странички весь страх пропадает. Наблюдательность, тонкий такт писателя делают свое дело. Образ великого вождя вызывает не привычно-восторженное поклонение, а уважение. Мы читаем сначала просто о хорошем русском дяде, таком добром и простым, что к нему невольно тянется всей душой маленькая французская девочка, дочка консьержки, уборщицы двора и улиц.

Как и в книгах о природе, М. Усов обнаруживает чуткое понимание того, что доступно

детям.

Ленин сидит не в мягком кожаном кресле, а в простом жестком — таково все содержание одного из рассказов. Но между строк (как и в поэтических новеллах о природе) читается подспудная мысль о большом трудолюбии и скромности человека.

А вот во время разговора, разъясняя собеседнику что-то непонятное, Ленин нет-нет да и погладит пушистую кошку у себя на коленях. Опять подтекст, вывод, вполне возможный для детей,— человек добр и внимателен.

Ленин ранен, его хотят отнести в комнату на руках, но он идет сам. «Медленно. Шаг... Еще шаг... Вторая... третья... четвертая... пятая ступенька.

Молча, не проронив ни слова».

Кажется, все замерло вокруг, единое желание людей помочь Ленину—о нем не говорится прямо ни слова — ощущается прямо-таки вещественно. И: «Ничего, не беспокойтесь, я поднимусь сам», — словно ответ на мысли. Дети понимают — человек мужествен, заботлив и снова скромнен.

Так можно было бы перебрать рассказ за рассказом, и в каждом из них новая черта Ленина-человека, труженика, которого ребенок может себе представить не как далекого, великого вождя, а как любимого, доброго знакомого.

Этим и замечательна книга М. Усова «Прогулка на велосипеде». В ней нет повторения из старых рассказов о Ленине, она написана по-своему и написана хорошо. Она дает пример для подражания, показывает, к чему хорошему должен стремиться ребенок, вырабатывая свой характер. М. Усов проращивает в маленьком человеке всходы большой души так же, как он делал это и в своих книгах о природе. Это — главное.

Живые сказки старой бабушки-природы, поэтические миниатюры несут детям человеческую душу под шапкой-невидимкой, расцвеченной естественно-живописными красками; рассказы, о Ленине

рисуют непосредственно зримый идеал человека.

ТАТЬЯНА КОЖЕВНИКОВА.